

Московские подворья Восточных патриархатов и их борьба за «собственность всей греческой нации» после революции 1917 г.

Александр Мазырин

The Moscow courtyards of the Eastern Patriarchates and their struggle
for the «property of the entire Greek nation» after the Revolution of 1917

Alexander Mazyrin

(Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23040132, EDN: HORSYR

До 1917 г. Россия дорожила статусом ведущей православной державы и уделяла большое внимание выстраиванию отношений с Восточными патриархатами (Константинопольским, Иерусалимским, Антиохийским и Александрийским). Их подворья появились в Москве в XIX в.: первым — Иерусалимское при храме Апостола Филиппа на Арбате, затем — Антиохийское при Вознесенско-Ипатьевской церкви в Китай-городе и Александрийское при Никольском храме в Подкопаях, последним — Константинопольское при храме Преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках¹. Самыми состоятельными являлись Иерусалимское подворье, которому принадлежало четыре доходных дома в центре Москвы², и Константинопольское, владевшее одним, но большим зданием³. Двумя доходными домами рядом с храмом располагал и Александрийский патриархат⁴. Собственность эта приносила весьма существенный доход. В Советской России в условиях военного коммунизма греческие представительства не смогли сохранить свою московскую недвижимость, но упорно за неё боролись. Между тем этот аспект их адаптации к реалиям большевист-

© 2023 г. А.В. Мазырин

Статья подготовлена в рамках проекта «Развитие взаимоотношений Русской Православной Церкви с другими Поместными Церквями в 1917–1945 гг. в свете изменений политической обстановки и особенностей экклезиологических воззрений ведущих церковных деятелей того времени» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

¹ *Паламарчук П.Г.* Сорок сороков: краткая иллюстрированная история всех московских храмов. В 4 т. Т. 2. Изд. 3, испр. и доп. М., 2004. С. 75–76, 152–156, 198–201, 349–354. Наиболее основательно историками исследованы Иерусалимское и Константинопольское подворья. См.: *Καλαϊτζής Χρ.* Τὸ Μετόχιον τοῦ Οἰκουμἐνικοῦ Πατριαρχεῖου ἐν Μόσχᾳ «Ὁ ἄγιος Σέργιος» καὶ οἱ ἡγούμενοι αὐτοῦ (1881–1936). Γενεὴν; Κατερίνη, 1991; *Вайнтрауб Л.Р.* История возникновения и деятельность Иерусалимского патриаршего подворья в Москве // XV ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Т. 1. М., 2005. С. 204–209; *Дахин А.* Храм Воскресения Словущего у Арбатских ворот (Св. апостола Филиппа на Арбате): от московской приходской церкви к патриаршему подворью Иерусалимского Патриархата в XVII – конце XX вв. Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2015; *Мазырин А.В.* Подворье Константинопольской патриархии в Москве и проблемы межцерковных отношений в 1917–1938 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 104–123.

² Адреса домов: Пречистенский бульвар, 29; Филипповский переулок, 13 и 18; угол Арбата и Арбатской площади, 1 (ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 697, л. 75).

³ Крапивенский переулок, 4 (Там же, л. 104).

⁴ *Карпова М.Г.* Церковь святителя Николая в Подкопаях // Церковная археология Москвы: храмы и приходы Ивановской горки и Кулишек. М., 2006. С. 152.

ского правления в первые послереволюционные годы в историографии ещё не рассматривался⁵.

Как заметил в своём объёмном труде диакон (ставший впоследствии титулярным митрополитом Константинопольского патриархата) Хризостом Калаидзис, представительства Восточных патриархатов к конфискации своего имущества в России оказались совершенно не готовы: «Революция и какая-то революционная дезорганизация всей политической и церковной структуры ожидалась. Но никто не мог предвидеть масштабы, природу и размах явления, и никто не мог представить, что такой ураган дойдёт до упразднения и разграбления»⁶. Десятилетиями создававшаяся доходная греческая церковная инфраструктура в Москве исчезла за неполных полтора года.

12 декабря 1917 г. Моссовет принял постановление о муниципализации части домовладений, после чего домовый комитет, образованный в здании, принадлежавшем Константинопольскому подворью, «сделал распоряжение о прекращении жильцами дома внесения арендной платы за квартиры управлению подворья, полагая, что этот дом подходит под действие упомянутого декрета». Настоятель подворья архимандрит Иаков (Димопуло) сумел тогда отстоять своё право взимать арендную плату с квартирантов на том основании, что «дом Константинопольского подворья... как принадлежащий “учреждению, не преследующему коммерческих целей”, и доходы с которого идут “на благотворительные цели”, не подлежит действию этого декрета»⁷.

Однако вскоре появился декрет СНК об отделении Церкви от государства. Его 12-й пункт гласил: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют»⁸. Тем не менее греческий архимандрит нашёл, чем парировать и эту дискриминационную норму, обратившись сначала к комиссару по иностранным делам Мосгубсовета В.М. Фриче, а затем и к главе НКВД РСФСР Г.В. Чичерину. При этом он напомнил «господину комиссару по иностранным делам», что «дом Константинопольского подворья... принадлежит иностранному учреждению, т.е. Вселенскому константинопольскому патриархату, и при том такому учреждению, которое даже нельзя назвать учреждением исключительно религиозным, ибо оно... является настолько же установлением светским, насколько и религиозным, и в своей стране не только обладает всеми правами юридического лица, но и представляет собою там, вместе со всеми своими епархиями в целом, вполне автономное учреждение, настоящее государство в государстве»⁹. Таким образом, по логике Димопуло, религиозная составляющая в деятельности Константинопольского патриархата не была основной, и именно поэтому декрет, ограничивавший права *религиозных* обществ, на него не распространялся.

В борьбе за собственность Фанара в Москве архимандрит Иаков апеллировал, разумеется, и к своей патриархии. 25 апреля 1918 г. он отправил патриарху

⁵ Подробнее о греческой церковной дипломатии в Москве в 1920–1930-е гг. см.: Мазырин А.В., Кострюков А.А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017. С. 9–246.

⁶ *Kalaïtzīs Χρ.* Τὸ Μετόχιον τοῦ Οἰκουµενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 738.

⁷ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 697, л. 110.

⁸ Действия и распоряжения правительства. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Известия ЦИК. 1918. 21 января.

⁹ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 697, л. 103 об.

Герману письмо, в котором попросил вмешаться и поддержать его ходатайства перед Совнаркомом. «Поскольку вопрос конфискации или неконфискации патриаршего подворья в Москве целиком зависит... от предоставления или непредоставления официального документа Вселенского патриархата, официально заверенного правительством Османской империи..., необходимо, чтобы мне как можно быстрее был отправлен акт, составленный по-гречески, по-французски или по-русски, следующего содержания: доходы нашего Подворья святого Сергия..., получаемые через нашего представителя и игумена подворья... архимандрита Иакова, отправляются из Москвы во Вселенский патриархат и расходуются на содержание благотворительных организаций, больниц, детских приютов, школ и других подобных организаций. В подтверждение этого выдан настоящий официальный акт, заверенный имперским министерством иностранных или внутренних дел, для представления в компетентные органы власти в дальнейшем». Отправить соответствующую бумагу Димопуло просил через турецкого посла в Москве (после подписания большевиками Брестского мира дипломатические отношения РСФСР с Османской империей были восстановлены). Тем временем по его просьбе аналогичное свидетельство «отправил в компетентный отдел господин консул Испании, защищающий интересы османских организаций и граждан, которому руководство патриаршего подворья очень благодарно»¹⁰.

Грамоту, которую запрашивал архимандрит Иаков, патриарх Герман подписал 4 июня. Но нужной Димопуло визы представителей турецкого правительства на ней не оказалось. «По установившемуся обычаю мы убеждены, — пояснило её отсутствие руководство Фанара, — что патриаршей подписи, признаваемой самой по себе в России, будет достаточно, поэтому цель будет достигнута, поскольку и так понятно... исключительно благотворительное назначение учреждения»¹¹. Между тем уже 12 октября 1918 г. «Герман V отрёкся от престола под давлением недовольной его деятельностью оппозиции»¹².

Несмотря на это, 20 ноября 1918 г. архимандрит Иаков сумел получить подписанную заместителем наркома Л.М. Караханом справку: «Народный комиссариат по иностранным делам удостоверяет, что дом Константинопольского патриаршего подворья... занят Представительством вселенского (константинопольского) патриарха в России, и с своей стороны находит целесообразным освободить таковой от какой бы то ни было реквизиции, а также муниципализации и национализации»¹³. После такой рекомендации юридический отдел Моссовета 2 декабря 1918 г. подтвердил, что дом подворья «как занятый Представительством вселенского патриарха в России из-под действия декрета “Об отделении церкви от государства” исключается»¹⁴. Это удостоверение Димопуло представил в юридический отдел райсовета Городского района, который, в свою очередь, послал 10 декабря соответствующее указание крапивинскому домовому комитету, и тот «таким документом удовлетворился»¹⁵.

¹⁰ *Καλαϊτζῆς Χρ.* Τὸ Μετόχιον τοῦ Οἴκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 739–740.

¹¹ *Αὐτόθι.* Σ. 740–741.

¹² *Ермилов П. В.* Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 257.

¹³ ГА РФ, ф. 1235, оп. 63, д. 397, л. 556.

¹⁴ ЦГА МО, ф. 66, оп. 18, д. 60, л. 53; ГА РФ, ф. 1235, оп. 63, д. 397, л. 555.

¹⁵ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 697, л. 112.

Однако вскоре выяснилось, что московское имущество Фанара подпадает под подписанный председателем ВЦИК Я.М. Свердловым 20 августа 1918 г. «Декрет об отмене права частной собственности на недвижимости в городах», постановивший в ст. 2, что «в городских поселениях с числом жителей свыше 10 000 отменяется право частной собственности на все строения, которые вместе с находящейся под ними землёй имеют стоимость или доходность свыше предела, установленного органами местной власти»¹⁶. Данная норма распространялась уже на *все* сравнительно доходные городские строения, кому бы они ни принадлежали, не исключая и многоквартирный дом № 4 в Крапивенском переулке. Поэтому 23 декабря 1918 г. НКВД разъяснил, что «владения Константинопольского и Иерусалимского патриархата подлежат муниципализации на общих основаниях». Архимандрит Иаков пытался добиться пересмотра этого решения и даже заручился письмом с поддержкой от датского генерального консула в Москве, но оно не помогло. В феврале 1919 г., в соответствии с постановлением жилищно-земельного отдела Моссовета, состоялась муниципализация дома¹⁷.

Тогда представитель Фанара обратился к высшей правительственной инстанции РСФСР и 20 февраля направил управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу заявление с двумя пространными объяснительными записками. «Честь имею, — писал Димопуло, — просить Вас ознакомиться с содержанием их и при представлении их Совету народных комиссаров оказать Ваше мощное содействие в качестве блюстителя законов С.С.Ф.Р. Республики к справедливому разрешению вопроса об изъятии от какой бы то ни было реквизиции и муниципализации вверенного мне Константинопольского подворья»¹⁸. Архимандрит надеялся убедить большевистское правительство в том, что дом, с жильцов которого он до недавнего времени получал плату, не подлежит национализации, поскольку уже национализирован, в определённом смысле, греческой нацией, причём в интересах её беднейшей части, подходящей «под понятие пролетариата». По словам архимандрита Иакова, «точное политическое положение патриархата на основании турецких законов определяется следующим образом: весь турецко-подданный греческий народ вместе со всеми другими христианскими народами Турции составляет одну огромную организацию, вполне автономную и возглавляемую патриархатом, который является её объединяющим центром, а также признанным Европой и международными трактатами национальным греческим центром на Балканском полуострове. Причём турки не желают знать племенных различий внутри этой организации, а всю эту многомиллионную массу называют общим именем Рум-мелети и представителем её считают Вселенский патриархат, с которым только и ведаются и сносятся с ним по всем делам, касающимся этих народов... И только как представитель нации, целой семьи народов, патриархат наделён такою широкою светскою властью, всеми правами полной автономии и всеми правами юридического лица... Таким образом и все имущества, какими владеет где бы то ни было Вселенский патриархат, будь то в Турции или за границей, составляют собственность не патриархата или Церкви как таковой, а всей греческой

¹⁶ Действия и распоряжения Правительства. Декрет об отмене права частной собственности на недвижимость в городах, принятый в заседании Президиума ВЦИК от 20 августа 1918 года // Известия ВЦИК. 1918. 24 августа.

¹⁷ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 697, л. 112 об.—113 об.

¹⁸ Там же, л. 104.

нации (Рум-мелети), т.е. принадлежит всему христианскому народу в его целом на Балканском полуострове, организованному и объединённому в учреждении патриархата»¹⁹.

Поэтому, полагал архимандрит, «естественно придти к заключению, что решение Московского жилищно-земельного отдела... о том, что владение Константинопольского патриархата подлежит муниципализации на общих основаниях, нельзя признать правильным, ибо владение это *не имеет характера частной собственности* (подчёркнуто в тексте. — *А.М.*)... Владение патриархата имеет назначением служить культурно-просветительным и благотворительным целям, и на удовлетворение их расходуются полностью все доходы, получаемые с этого имения. Муниципализация этого владения будет иметь своим последствием прекращение получаемых доселе доходов, расходуемых на удовлетворение вышеозначенных потребностей. Культурно-просветительные и благотворительные учреждения, столь необходимые для беднейшего православного населения Константинопольского патриархата, [тогда] должны быть закрыты... Подобное решение вопроса произвело бы удручающее впечатление на пролетариат всех стран. Немыслимо призывать их к объединению и одновременно лишать часть их — и притом беднейшую — пособий, необходимых для их существования»²⁰.

В действительности на Балканах и на Ближнем Востоке среди православных сохранялось куда большее юрисдикционное многообразие, нежели утверждал архимандрит Иаков. К 1919 г. от бывшего владычества турок не осталось практически ничего, и в самом Константинополе распоряжались тогда державы-победительницы. Отождествление «христианского народа в его целом» и «греческой нации (Рум-мелети)» было измышлением фанариотов, извлекавших из него материальную выгоду. И в период расцвета Османской империи её правители не спешили признавать претензии Фанара на первенство над другими патриархатами²¹. В Греческом королевстве давно существовала своя автокефальная церковная организация, иерархи Румынии и Сербии совершенно не зависели от Константинопольского патриархата. Ещё в 1872 г., несмотря на самое изошрённое противодействие националистически настроенных греческих иерархов, болгарский митрополит Анфим «получил султанский берат, определяющий его полномочия как верховного представителя православных болгар»²². Разумеется, не знать или забыть об этом Димопуло не мог.

Бонч-Бруевич не стал выводить вопрос о московской «собственности всей греческой нации» на уровень Ленина и передал заявление архимандрита Иакова, а также аналогичное заявление московского представителя Иерусалимского патриархата архимандрита Афанасия на рассмотрение в профильный отдел Наркомюста. В ответ председатель VIII (ликвидационного) отдела П.А. Красиков сообщил, что просьбу Восточных патриархатов «о возвращении принадлежавших им ранее домов было решено отклонить»²³.

¹⁹ Там же, л. 107 об.—108.

²⁰ Там же, л. 108 об.—109.

²¹ Подробнее см.: *Çolak H.* Ottoman central administration and primacy in the Orthodox Church: sources and agents of knowledge and inter-patriarchal conflicts // Понятие первенства: истоки и контексты. М., 2022. С. 539–562.

²² *Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А.* Болгарская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 633.

²³ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 697, л. 115.

Едва ли следовало ожидать чего-то иного от деятеля, известного своей особой антирелигиозностью и публично заявлявшего: «Мы, коммунисты, своей программой и всей своей политикой, выражающейся в советском законодательстве, намечаем единственный в конечном счёте путь как религии, так и всем её агентам: это путь в архив истории»²⁴. Партийная программа, на которую ссылался Красиков, принятая VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г., «в области религиозных отношений» фактически намечала «полное отмирание религиозных предрассудков»²⁵. Примечательно, что, участвуя в её обсуждении на съезде, Красиков ставил под сомнение содержащиеся в ней слова о необходимости «избегать всякого оскорбления чувств верующих». «Ведь и отделение церкви от государства и лишение церкви тех или иных преимуществ, привилегий, лишение каких бы то ни было имуществ и прав... может истолковываться как оскорбление чувств верующих», — напоминал он своим товарищам. «Конечно, необходимо, — заключал большевик, — чтобы церковь как орган угнетения была лишена рабоче-крестьянским государством материальной опоры и всех привилегий, которыми она пользовалась для эксплуатации известной психологии масс»²⁶.

Со своей стороны, представители восточных патриархов были крайне огорчены отклонением их просьб. В июне 1919 г. архимандриты Иаков, Павел, Антоний и Афанасий отправили на Фанар составленный ещё 16 апреля отчёт, содержание которого следовало затем донести и до других патриархатов. В нём говорилось, что аномальная политическая, социальная и финансовая ситуация в России сделала жизнь всех, а особенно иностранцев, крайне тяжёлой и невыносимой, так как установившаяся коммунистическая система упразднила все действовавшие гражданские и церковные законы, власти Москвы, несмотря на протесты, конфисковали имущество подворий, после чего проживавшее там духовенство попало в ужасное экономическое положение, так как только на питание каждого из них требовалось больше 3 тыс. руб. ежемесячно. Архимандриты не знали, что делать, и интересовались, не покинуть ли им Москву. Как отнеслись к этому сообщению патриархи, неизвестно²⁷.

Между тем после изъятия у московских представительств Восточных патриархатов их доходных домов пришла очередь и их храмов. В соответствии с январским декретом 1918 г., «здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей», отдавались, «по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»²⁸. Выпущенная в августе того же года инструкция Наркомата юстиции уточняла, что «необходимое число местных жителей, получающих в пользование богослужебное имущество, определяется местным Советом рабочих и крестьянских депутатов, но не может быть менее 20 чел[овек]»²⁹. В бесприходных ранее храмах подворий набрать даже 20 прихожан (особенно только из греков) для подписания соответствующего

²⁴ Красиков П.А. Кому это выгодно // Известия ВЦИК. 1919. 14 декабря.

²⁵ Восьмой съезд РКП(б) 18–23 марта 1919 г. / Под ред. Ем. Ярославского. М., 1933. С. 391.

²⁶ Там же. С. 70–71.

²⁷ *Καλαϊτζής Χρ.* Τὸ Μετόχιον τοῦ Οἰκουμηνικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχῃ... Σ. 741–742.

²⁸ Действия и распоряжения правительства. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Известия ЦИК. 1918. 21 января.

²⁹ Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917 – 1918 г. Сборник документов / Под ред. прот. В.Н. Воробьёва. М., 2016. С. 174.

договора с местным советским органом было не просто. И всё же 1 февраля 1919 г. архимандрит Иаков получил документ, подписанный председателем юридического отдела Моссовета: «Настоящим удостоверяется, что храм во имя Сергия Радонежского Чудотворца с двумя приделами, по Крапивенскому пер. 4, как принадлежащий представительству Вселенского (Константинопольского) патриархата в России, из-под действия Декрета об отделении церкви от государства исключается»³⁰. Аналогичные удостоверения получили и другие настоятели московских подворий Восточных патриархатов³¹.

В августе 1920 г. в афинском журнале «Церковный вестник» («Ἐκκλησιαστικὸς Κήρυξ») с драматизмом отмечалось: «Все патриаршие представители и служащие с ними клирики живы, однако жизнь их стала невыносимо тяжёлой. После того как нынешние власти изъяли у них все владения патриарших престолов вместе с получаемой от них прибылью и даже их личное имущество, позволили им проживать только в одной комнате одной из квартир, и притом за арендную плату, уплачиваемую государству, понятно, что, испытывая во всём нужду, они претерпевают невзгоды из-за недостаточного питания, холода и утомления, потому что сами готовят себе пищу, стирают одежду, подметают квартиры... Настоятелям подворий выплачивается из доходов подворий крохотная сумма на их, если можно так выразиться, содержание, принуждая их тем самым исполнять в их храмах одни приходские обязанности... Если они и дальше пребудут без какого-нибудь дохода, то просто умрут от голода, холода и эпидемических болезней»³².

Только в апреле 1921 г. Димопуло смог отправить в свою патриархию письмо, в котором сообщал, что с его здоровьем всё хорошо, хотя подворье уже три года конфисковано и принадлежит Социалистической Российской Республике, как, впрочем, и всё недвижимое имущество русских и иностранцев, поскольку частная собственность отменена. Архимандрит не скрывал, что настоятели патриарших подворий находятся в жалком положении, испытывая недостаток во всём, а сам он живёт, продавая личные вещи, и это не может продолжаться долго. Его попытка выехать из города не увенчалась успехом, и, пользуясь тем, что храм подворья остался нетронутым, он постоянно служил в нём. Однако для дальнейшего пребывания в Москве и поддержания связей с советским правительством ему следовало предъявить верительную грамоту, подтверждавшую его статус представителя Вселенского патриархата в России. Из письма следовало, что в НКВД оказывали Димопуло помощь, но желали убедиться в его полномочиях, получив документ, заверенный печатью гражданских властей Турции³³.

С Фанара архимандриту ответили 14 июня 1921 г., выразив радость по поводу его самочувствия, сохранения храма подворья и регулярного совершения литургии. Руководство патриархата сочувствовало настоятелю и уведомляло его об отправлении верительной грамоты. Однако 25 января 1922 г. Димопуло вновь сетовал в письме на то, что в НКВД она так и не поступила³⁴.

³⁰ ЦГА Москвы, ф. Р-1215, оп. 4, д. 16, л. 4.

³¹ См.: Там же, л. 2, 3, 27.

³² *Καλαϊτζής Χρ.* Τὸ Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 613. См. также: *Мазырин А.В., Кострюков А.А.* Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. С. 36.

³³ *Καλαϊτζής Χρ.* Τὸ Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 742–743.

³⁴ *Ἀὐτόθι.* Σ. 743–744.

Тем временем, перейдя к новой экономической политике, советская власть стала искать, на кого бы переложить содержание жилищного фонда, ранее принудительно муниципализированного. В августе 1921 г. СНК выпустил ряд постановлений, призывавших к «достижению наибольшей хозяйственности в управлении муниципализированными домами» и «привлечению населения муниципализированных домов к самодеятельному попечению о жилищах». Более того, местным коммунальным отделам предписывалось пересмотреть списки находившихся в их ведении домов на предмет выявления среди них тех, которые могли бы быть переданы «коллективам и отдельным лицам». У некоторых бывших домовладельцев, таким образом, появлялась возможность вернуть свою собственность. Речь, правда, шла о домах «незначительных размеров»³⁵. Здание бывшего Константинопольского подворья таковым не являлось, и в результате в марте 1922 г. его сдали в аренду на шесть лет образованному в нём жилищному товариществу³⁶.

Ещё ранее, 17 октября 1921 г., церковное отделение отдела управления Моссовета попросило VIII отдел Наркомюста «в срочном порядке сообщить: подлежат ли передаче группам верующих церкви: Вселенского, Константинопольского, Иерусалимского, Александровского (так в тексте. — А.М.) и Антиохийского патриархатов, т[ак] к[ак] при делах названных церковей имеются удостоверения в том, что эти церкви не подлежат действию декрета “Об отделении церкви от государства”»³⁷. 3 декабря Красиков ответил: «VIII отдел Наркомюста, предлагая сообщить, каким правительством выданы удостоверения церквям Вселенского, Константинопольского, Иерусалимского, Александровского и Антиохийского патриархатов в том, что они не подлежат действию декретов об отделении церкви от государства, извещает, что VIII отделом подобных удостоверений не выдавалось, а потому вышеназванные храмы, как и все остальные, находящиеся на территории РСФСР, подлежат передаче группам верующих на общих основаниях»³⁸. Весной 1922 г. храм Преподобного Сергия в Крапивниках избежал осуществлённой советским правительством громкой кампании по изъятию церковных ценностей³⁹, но подворья трёх других Восточных патриархатов она затронула, как и прочие приходы Москвы⁴⁰.

Архимандрит Иаков вплоть до своей смерти в 1924 г. боролся за возвращение доходного дома Константинопольскому патриархату. Затем его дело продолжил племянник и преемник архимандрит Василий (Димопуло). Обоим содействовали раскольники-обновленцы. Но в условиях усиления антирелигиозных гонений в СССР греки едва ли могли на что-то рассчитывать. С 1926 г. Димопуло добивался исключительно улучшения личных жилищных условий (вопреки скорбным сообщениям греческой прессы, московский представитель Фанара занимал не одну комнату, а четыре, и желал иметь ещё три). После его смерти в 1934 г. Константинопольская патриархия, несмотря на все старания,

³⁵ Действия и распоряжения правительства // Известия ВЦИК. 1921. 12 августа.

³⁶ ГА РФ, ф. 1235, оп. 63, д. 397, л. 514.

³⁷ ЦГА Москвы, ф. Р-1215, оп. 4, д. 16, л. 30.

³⁸ Там же, л. 31–31 об.

³⁹ ЦГА МО, ф. 66, оп. 18, д. 287, л. 512.

⁴⁰ Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввонсовета Республики / Сост. А.В. Мазырин, В.А. Гончаров, И.В. Успенский. М., 2006. С. 66–67, 112, 116.

не сумела найти ему преемника, подворье прекратило своё существование, а храм Преподобного Сергия в Крапивниках был закрыт⁴¹.

Схожим образом решалась судьба московских доходных домов Иерусалимского подворья. Ежегодный доход от использования его четырёх домовладений до революции составлял, по свидетельству настоятеля архимандрита Афанасия, 45 тыс. руб.⁴² Впрочем, это была мизерная часть тех средств, которые получала из Российской империи Иерусалимская патриархия⁴³. Столкнувшись с конца 1917 г. с теми же проблемами, что и Димопуло, иерусалимский представитель, отстаивая своё право взимать арендную плату за помещения, писал в Хамовнический райсовдеп, в подразделения Моссовета, в НКВД и, наконец, в СНК. «Прежде всего следует заметить, — убеждал он Совнарком в одной из своих записок, — что декрет об отделении церкви от государства относится только к русской церкви и, следовательно, не может быть понимаем как применимый и к церкви всякой другой страны, владеющей собственностью в России»⁴⁴. Таким образом, разорение русских епархий и приходов никакого несогласия у греческого архимандрита не вызывало. При этом юридически его позиция была несостоятельна, поскольку в ленинском декрете говорилось о всей совокупности церковных и религиозных обществ, включая даже нехристианские, а границы его действия обозначались словами «в пределах Республики»⁴⁵. Никаких оговорок относительно иностранных структур в нём не содержалось.

Как и Димопуло, архимандрит Афанасий утверждал, что его организация не является вполне церковной: «Иерусалимскому патриархату, так же, как и другим патриархатам Турции на их территориях, издавна предоставлены оттоманским правительством особые, исключительные привилегии (прономии) чисто светской власти, закреплённые впоследствии и международными соглашениями с европейскими государствами»⁴⁶. Трудно сказать, какое значение эти османские порядки могли иметь в советских реалиях, особенно если учесть, что Палестина с конца 1917 г. была оккупирована Великобританией и не находилась уже в турецкой юрисдикции. Не более убедительно смотрелось и приложенное к записке удостоверение греческого консула в Москве, подтверждавшего 2 января 1919 г., что, «как общеизвестно в Греции и на всём Ближнем Востоке, Иерусалимский патриархат является там учреждением вполне автономным и светским, наделённым самою широкою светскою властью, гарантированной европейскими международными соглашениями, и деятельность которого сосредоточена главным образом на культурно-просветительных целях и содействии благосостоянию населения на его территории»⁴⁷.

17 февраля 1919 г. архимандрит Афанасий сообщал в Совнарком об изымаемой у него московской недвижимости: «Самое главное..., эти дома вовсе не принадлежат патриархату, а являются собственностью целой греческой нации.

⁴¹ Подробнее см.: *Мазырин А.В.* Подворье Константинопольской патриархии...

⁴² ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 697, л. 18.

⁴³ Так, в 1903 г. только в Московской епархии сборы «в пользу Гроба Господня» превысили 475 тыс. руб., а в 1904 г. — 452 тыс. руб. (*Белоголова Ю.И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010. С. 174–175).

⁴⁴ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 697, л. 87 об. В цитате сохранена орфография подлинника.

⁴⁵ Действия и распоряжения правительства. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Известия ЦИК. 1918. 21 января.

⁴⁶ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 697, л. 88 об.

⁴⁷ Там же, л. 79.

Что этот народ не русский, это, и в особенности в наше время господства интернациональных идей, не имеет никакого значения... Все народы равны и одинаково заслуживают хорошего и человеческого отношения к ним. Факт тот, что дома эти, значит, принадлежат целой нации, давно уже национализированы и социализированы, нельзя их национализировать второй раз. Мы понимаем, когда имущество в целях национализации или социализации изымается из владения частного лица-собственника и передаётся народу, государству. Но отнять у одного народа уже национализированное им имущество, чтобы передать его другому народу или государству, это уже будет не национализация. Вторичной национализации не может быть. Это скорее то, что делается империалистами после победоносной войны с побеждёнными народами, т.е. аннексия». Буквально вторя Димопуло, архимандрит Афанасий утверждал, что от муниципализации московских домовладений Иерусалимского патриархата пострадает беднейшее население Ближнего Востока, которое «вполне подходит под понятие пролетариата». И, конечно же, «подобное решение вопроса могло бы произвести удручающее впечатление на пролетариев всех стран, когда они узнают об этом, а не узнать этого нельзя, так как дело происходит в таком интернациональном месте, как Палестина, где всегда находится множество представителей интересов всех стран. Немыслимо призвать пролетариат к объединению и одновременно лишать часть его, и при этом беднейшую, её собственных средств, необходимых для её существования»⁴⁸.

По части социально-политической демагогии иерусалимский представитель даже превосходил константинопольского. Однако его записки, как и прошения архимандрита Иакова, Бонч-Бруевич направил на отзыв Красикову, который предсказуемо выдал отрицательное заключение⁴⁹. В начале 1919 г. жилищно-земельный отдел Моссовета муниципализировал дома Иерусалимского подворья, и Воскресенский храм в Филипповском переулке, при котором оно находилось, стал приходским⁵⁰.

Сколько времени после этого архимандрит Афанасий пробыл в России, неизвестно. В начале июля 1922 г. он ещё посещал в Москве захваченное обновленцами Троицкое подворье, при котором ранее размещалось управление патриарха Московского Тихона, и даже предлагал лично доставить письмо лидера обновленческой «Живой церкви» В.Д. Красницкого патриарху Иерусалимскому Дамиану⁵¹. Видимо, тогда архимандрит как раз готовился к отъезду. Во всяком случае, о его присутствии на съезде «Живой церкви» в августе 1922 г. советские и обновленческие издания уже не упоминали (тогда как архимандрит Иаков не остался там незамеченным)⁵².

В 1926 г., после того как патриарх Дамиан открыто вошёл в общение с советскими обновленцами, была предпринята попытка возродить Иерусалим-

⁴⁸ Там же, л. 93–94 об.

⁴⁹ Там же, л. 83, 115.

⁵⁰ *Вайнтрауб Л.Р.* История возникновения и деятельность Иерусалимского патриаршего подворья в Москве. С. 208–209.

⁵¹ *Трегубов И.* К обновленческому движению православной церкви. «Живая церковь» // Известия ВЦИК. 1922. 11 июля.

⁵² *Трегубов И.* Всероссийский съезд «Живой церкви» // Правда. 1922. 10 августа; *Ю.П.* Всероссийский съезд «Живая церковь» // Известия ВЦИК. 1922. 11 августа; Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая Церковь» в Москве // Живая Церковь. 1922. 1–15 сентября. № 8–9. С. 6–9.

ское подворье в Москве. В украинском обновленческом журнале сообщалось: «В этом году, среди Великого поста, прибыл в Синод и новоназначенный в СССР представитель Иерусалимского патриарха архимандрит Анатолий и заявил, что Иерусалимский патриарх желает непосредственно вступить в общение со Всероссийским Священным Синодом через своего отдельного представителя, коего и просил принять с доверием. В ответ на это бывший в конце Великого поста пленум Священного Синода, в составе которого в тот момент находился и митрополит Харьковский и вся Украины Пимен, всё это свидетельствующий как участник и очевидец, послал Иерусалимскому патриарху послание... с радостным приветствием по случаю установления ещё более тесной и теперь непосредственной связи с представителем престола св. ап. Иакова»⁵³. Однако, судя по всему, архимандрит Анатолий долго в Москве не задержался, и деятельность Иерусалимского подворья пресеклась вплоть до конца 1980-х гг.

Как защищал «собственность всей греческой нации» настоятель Александрийского подворья архимандрит Павел (Катаподис), не известно, хотя и ему было что терять в Москве. В отличие от архимандрита Афанасия, он не стал в 1922 г. покидать Россию. Вероятно, это объяснялось бедственным положением Александрийского патриархата, где после прекращения обильной финансовой помощи из России осталось всего 5–6 священников и два диакона⁵⁴. Как и представитель Константинополя, архимандрит Павел участвовал в августе 1922 г. в съезде «Живой церкви»⁵⁵, а в ноябре 1924 г. вместе с архимандритом Василием (Димопуло) стал почётным членом обновленческого Священного синода⁵⁶. В январе–феврале 1927 г. он ещё посещал важное обновленческое мероприятие в Москве⁵⁷, но уже в апреле по поручению патриарха Мелетия (Метаксакиса) встречал в Александрии высокопоставленную польскую делегацию во главе с митрополитом Варшавским Дионисием (Валединским). Епископ Гродненский Алексей (Громадский) писал в отчёте об этой поездке: «На пристани уже издали заметна была фигура почтенного инока. Это был архимандрит Павел, присланный святейшим Мелетием навстречу его блаженству. Архимандрит Павел недавно вернулся из Советской России, где он занимал место настоятеля московского Александрийского подворья, и отлично говорит по-русски. Он приветствовал его блаженство от имени патриарха Мелетия и наскоро сообщил нам, что голод заставил его уехать из России»⁵⁸. Скончался архимандрит Павел в 1931 г.⁵⁹ Никольский храм в Подкопаях пережил отъезд Катаподиса в Африку

⁵³ Ещё антисинадальная провокация (Тихоновское письмо из Иерусалима) // Украинский православный благовісник. 1926. № 14. С. 8.

⁵⁴ Современное состояние Восточной вселенской Христовой Церкви. Александрийская патриархия // Утренняя заря. Голос Финляндской Православной Церкви. 1927. № 5. С. 57.

⁵⁵ *Трегубов И.* Всероссийский съезд «Живой церкви»; *Ю.П.* Всероссийский съезд «Живая церковь»; Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая Церковь» в Москве.

⁵⁶ Хроника // Церковное обновление. 1924. 12 ноября. № 17–18. С. 75.

⁵⁷ Протоколы заседания общего собрания (плenums) Священного синода православных церквей на территории СССР 30-го января – 1-го февраля 1927 года // Вестник Священного синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2(15). С. 7.

⁵⁸ *Алексий [Громадский], еп.* Посещение его блаженством блаженнейшим митрополитом Дионисием святых православных автокефальных Восточных церквей // Воскресное чтение (Варшава). 1928. № 19. С. 293.

⁵⁹ *Лавринов В.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 444.

и некоторое время действовал как русский приходской, причём являлся «тихоновским». После 1929 г. его закрыли⁶⁰.

Антиохийский патриархат с конца XIX в. при содействии России стал скорее арабским, чем греческим, тем не менее настоятель его подворья в Москве архимандрит Антоний (Мубайед) в первые послереволюционные годы действовал сообща с греками и порой подписывал с ними совместные письма. Но если греческие патриархи и их представители в той или иной степени поддерживали возникший в Русской Церкви обновленческий раскол, то патриарх Антиохийский Григорий занял диаметрально противоположную позицию и в 1925 г. даже предал обновленцев анафеме⁶¹. Поскольку их явно поддерживала власть, положение представителя столь «недипломатичного» патриарха в Москве становилось весьма затруднительным. Впрочем, не исключено, что он покинул Советскую Россию уже в 1920 г.⁶², т.е. до оформления обновленческого раскола⁶³.

В 1926 г. архимандрит Антоний ненадолго вернулся в Москву и действительно контактировал с обновленцами, что сразу же нашло отражение в их журнале⁶⁴. Появление этой публикации вызвало отклик в официальном печатном органе Русской Зарубежной Церкви, где от имени патриарха Антиохийского заявлялось: «Свят[ейший] Григорий разъяснил, что ни в какое общение его представитель не входил с обновленцами. По его приезде в Москву, его, ещё не успевшего сориентироваться, взяли под свою опеку обновленцы и обманным путём заставили явиться в их “Синод”. Но он вскоре же ориентировался в местной обстановке и немедленно прекратил всякую связь с ними и явился к каноническим представителям Русской Православной Церкви, с которыми и находится в постоянном молитвенном и братском общении»⁶⁵. Обновленцам также пришлось признать, что «хотя представитель Антиохийского патриарха архимандрит Антоний и был в Св[ященном] Синоде, но без верительной грамоты»⁶⁶.

В то же время архимандрит Антоний передал официальное письмо от своего патриарха возглавлявшему тогда Московскую патриархию митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому), которому в начале 1927 г. даже пришлось объяснять на следствии в ОГПУ: «В мае примерно 1926 года я получил

⁶⁰ Карпова М.Г. Церковь святителя Николая в Подкопаях. С. 154.

⁶¹ Грамота святейшего Григория IV, патриарха Антиохии и всего Востока, на имя председателя Архиепископского синода высокопреосвященного митрополита Антония // Церковные ведомости. 1925. № 19–20. С. 1–2.

⁶² Алексеев А. Антиохийское патриаршее подворье в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 6. С. 64.

⁶³ Об участии архимандрита Антония в московских церковных событиях первой половины 1920-х гг. бегло говорится лишь в очерке С.В. Троицкого, опубликованном в варшавском церковном журнале. Однако, сообщив, что «представитель Антиохийского патриарха присутствовал на... Соборе» «Живой церкви» (Троицкий С.В. Что такое Живая Церковь // Воскресное чтение. 1927. № 30. С. 350), профессор не указал источник своих сведений. Между тем в материалах обновленческих соборов 1923 и 1925 гг., опубликованных самими обновленцами, антиохийский архимандрит никак не упоминается (Поместный собор Российской Православной Церкви 1923 год. (Бюллетени) / Изд. протопресв. В.Д. Красницкого. [М., 1924]; Деяния III Поместного собора Православных Церквей на территории СССР (1–10 октября 1925 г.) // Вестник Священного синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6(2). С. 1–32).

⁶⁴ Ещё антисинаodalная провокация... С. 8.

⁶⁵ Сношение Синаодальной канцелярии в редакцию журнала «Воскресное чтение» от 1/14 августа 1927 г. за № 933 // Церковные ведомости. 1927. № 15–16. С. 3.

⁶⁶ Его блаженству, блаженнейшему Мелетию, патриарху Александрийскому // Вестник Священного синода Православной Российской Церкви. 1927. № 1(14). С. 2.

ряд бумаг о состоянии Московской епархии; в числе этих бумаг я обнаружил письмо антиохийского патриарха при препроводительном письме недавно появившегося в городе Москве архимандрита Антония, подчинённого этому патриарху и являющегося настоятелем антиохийского подворья в Москве. Я написал ответ, послал его в Москву с просьбой передать». Характерно, что следователь тут же задал вопрос: «Каким образом и почему решились Вы сноситься с церковным деятелем, известным своими враждебными по отношению к Соверспублике выступлениями?»⁶⁷.

Как долго архимандрит Антоний пребывал в Москве, сказать трудно. В апреле 1927 г. в варшавском «Воскресном чтении» узнали, что «прекратившее своё существование московское подворье антиохийское, находящееся при Ипатьевском переулке, недавно возобновило своё бытие... Архим. Антоний (Мубайед) приехал было из России в Сирию, но получил распоряжение патриарха немедленно возвращаться назад. Раньше это подворье доставляло патриархии некоторые доходы, но теперь и само оно еле держится»⁶⁸. Учитывая отношение ОГПУ, закрепиться ему бы не дали. В 1929 г. Вознесенско-Ипатьевскую церковь подворья, оказавшуюся фактически во дворе здания ЦК ВКП(б), закрыли, а затем и вовсе снесли⁶⁹. В 1948 г. Антиохийское подворье было возрождено уже при другом московском храме и в других геополитических реалиях.

В целом же, представители восточных патриархов, преследуя в Москве преимущественно материальные цели, без колебаний сводили к минимуму религиозное значение своих патриархатов, указывали на их светский характер и статус «настоящих государств в государстве». Вероятно, если бы советские руководители были тогда столь же прагматичны в церковных делах, стороны нашли бы какой-то взаимовыгодный компромисс. Но идеологическая непримиримость большевиков обрекала московские представительства Восточных патриархатов не только на потерю собственности, но и на полную ликвидацию.

⁶⁷ Цит. по: *Мазырин А.В., Кострюков А.А.* Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. С. 126.

⁶⁸ *Алексий [Громадский], еп.* Указ. соч. // Воскресное чтение. 1928. № 51. С. 783.

⁶⁹ См.: *Паламарчук П.Г.* Сорок сороков... Т. 2. С. 75–76.